Александр Першай

СЕМАНТИКА ПОЛА:
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

EHU
Европейский гуманитарный университет

Вильнюс
2014

УДК 81'37:396
ББК 81.2
П27

Рекомендовано к изданию
Научным советом ЕГУ
(протокол № 37-5-09 от 23 сентября 2013 г.)

Рецензенты:
Пушкарева Н.Л., доктор исторических наук, профессор,
зав. сектором этногендерных исследований Института этнологии
и антропологии РАН, президент Российской ассоциации
исследователей женской истории (РАИЖИ);
Хоменко Н., доктор философии (Ph.D.), профессор, департамент
либеральных наук, Хамбер Колледж, Торонто

EUROPEAN HUMANITIES UNIVERSITY
EHUTF TRUST FUND

Издание осуществлено при поддержке Трастового фонда
Европейского гуманитарного университета

Першай, А.Ю.
П27 **Семантика пола : репрезентация гендерных отношений во фразеологии.** – Вильнюс : ЕГУ, 2014. – 178 с.

ISBN 978-9955-773-71-9.

Монография посвящена анализу гендерно-маркированных фразеологизмов в беларусском, польском, русском и английском языках. Автор исследует, каким образом гендерная стратификация отражена и организована во фразеологии, а также какие социальные институты значимы для фразеологической номинации женщин и мужчин.

Для языковедов, славистов, антропологов, социологов, культурологов, специалистов по гендерным исследованиям.

УДК 81'37:396
ББК 81.2

ISBN 978-9955-773-71-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

Жанчынам майго роду прысьвечана

ВВЕДЕНИЕ

Гендерная лингвистика является динамичным направлением современного языкознания, изучающим языковую репрезентацию пола, стереотипы мужественности и женственности, отраженные единицами различных уровней, а также их стилистическую и эмотивную маркированность. Гендерная лингвистика также обращает большое внимание на «внеязыковые» данные, связанные с происхождением, словарной фиксацией или контекстуальным употреблением гендерно-маркированных языковых единиц. Это предполагает использование социокультурных, психологических и политических факторов для анализа единиц языка и часто связано с анализом взаимосвязей каких-то социальных институтов с различными сегментами языковой системы. В общем, гендерная лингвистика с разных сторон рассматривает две основные группы проблем: язык и отражение в нем пола (номинативную систему, включая лексику, фразеологию, паремии и т.д.) и речевое поведение мужчин и женщин (выделение речевых стратегий и тактик, «типичных» для определенного пола, гендерно-специфичный выбор языковых средств и пр.) (Кирилина, 1999, с. 36–37), а также критику этих подходов с точки зрения гетеронормативности и андроцентричности исследований пола в рамках традиционного языкознания.

Гендерная лингвистика в постсоветских странах в настоящий момент является противоречивой областью языкознания. С одной стороны, это вопрос ее небольшого «возраста» для научной области, а также слабо разработанного концептуального и методологического аппарата. С другой стороны, это проблема различного и зачастую противоречивого понимания как самого понятия *гендер*, так и целей и задач лингвистического исследования гендера, о чем подробнее речь пойдет в главе 1.

На сегодняшний день гендерная лингвистика является устоявшимся направлением в западном языкознании, пережившим с 1970-х годов множество этапов в своем развитии и ставшим обязательной частью гуманитарного образования (см., например: Cameron, 1992, 1995, 1998; Pauwels, 1998; Coats, 1993; Talbot, 1998; Wodak, 1997; и др.). Отношения языка и гендера в контексте распределения власти, политических и социальных ресурсов рассматриваются если не в отдельных курсах,

то как сегмент вводных и специальных курсов по лингвистике, литературоведению, исследованиям культуры, лингвистической и культурной антропологии, истории, политологии, социологии и др. Д. Кэмерон, одна из ведущих специалисток в мировой гендерной лингвистике, выделяет три основные концепции в гендерной лингвистике: женской дефицитности, мужского превосходства и разницы гендерных культур, или в терминологии Кэмерон – «deficit, dominance and difference» (Cameron, 1995, p. 39–42). Кратко рассмотрим эти направления, хотя понятно, что каждое из них намного сложнее и включает внутреннюю полемику.

Концепция женской дефицитности в языке возникла под влиянием работы Р. Лакофф «Язык и место женщины» (Lakoff, 1975). Данная концепция представляет языковую систему как репрессивный механизм, угнетающий женщину и заставляющий ее следовать определенным речевым тактикам и практикам вследствие своей гендерной социализации. Р. Лакофф отмечает, что мужчины и женщины используют различные синтаксические и лексические средства для выражения одной и той же мысли. Выбор каких-то специальных языковых средств определяется не столько индивидуально, сколько «культурной» традицией, а точнее социальными требованиями к женщине говорить вежливо и «как леди» (Lakoff, 1975, p. 8–11, 51–83). Основной вывод работы присутствует в ее названии: язык четко определяет место женщины и «заставляет» использовать предписанную модель речевого поведения. Женщина, говорящая как мужчина, порицается обществом, но в то же время женщина, говорящая «как женщина, как леди», вызывает улыбку и снисхождение. Таким образом, язык не оставляет женщине выбора и свободы языкового выражения (Lakoff, 1975, p. 6). Данный способ интерпретации отношений языка и гендера был обозначен как «языковая дефицитность женщины». Эта работа Р. Лакофф является одним из первых исследований, в котором были рассмотрены отношения пола и языка в проекции социальных статусов и практик. Несмотря на заметную феминистскую ориентированность, книга «Язык и место женщины» положила начало гендерной лингвистике как самостоятельной области исследований. Она предложила научному сообществу законченную концепцию видения и функционирования гендера в языке и повлекла за собой обширные исследования и лингвистические дебаты (см., например, сборник, посвящен-

ный 30-летию труда Р. Лакофф «Gender Articulated: Language and the Socially Constructed Self» (Hall, Bucholtz, 1995)).

В основу *концепции мужского превосходства* легла работа Д. Спендер «Язык, созданный мужчиной» (Spender, 1980). Д. Спендер обратила внимание на двойственность языка: с одной стороны, язык дарует свободу выражения, коммуникации и познания; с другой – язык не дает выйти за свои «пределы» и заставляет мыслить в заданных им рамках (Spender, 1998, p. 96). Носитель языка «осмысливает» окружающий мир с помощью имеющегося семантического арсенала, то есть средствами и категориями, полученными через язык в процессе его усвоения и освоения мира. Речь идет о том, что лексические значения, кроме «непосредственного» значения также несут отпечаток той социальной системы, в рамках которой и для обслуживания которой они были созданы. Согласно этой концепции в андроцентричном, то есть ориентированном на мужчину обществе язык обслуживает патриархатную систему, в чьих рамках женщина дискурсивно нема и невидима. Женщине приходится использовать «мужские» значения и смыслы, предзаданные языковой системой, что отнимает у нее голос и возможность говорить на «своем» языке. Д. Спендер дополняет анализ непосредственно языковых единиц при помощи осмысления возможностей языка отражать субъектность всех социальных групп, а не только «мужской», то есть привилегированной социальной нормы. Подробнее о значимости этой работы речь идет в главе 2.

Если говорить упрощенно, то сочетание концепций женской дефицитности и мужского превосходства задало «траекторию» исследований языкового сексизма. Язык рассматривается как андроцентричная структура – продукт и гарант власти мужчин, которая констатирует *мужское* в качестве «нормы мирового порядка», отождествляет его с *общечеловеческим* и «является одним из проявлений системы отношений, угнетающих женщин, а не мужчин» (Cameron, 1992, p. 100). В языковой системе «мужское превосходство» проявляется посредством репрезентации *мужского* как основы мирового порядка, а также «нормальности» или положительной оценки мужских номинаций, качеств и признаков и отрицательной оценки женских (Spender, 1980, p. 2). Что, в свою очередь, связано с неравномерной языковой «выраженностью» и «невидимостью» женщины, а точнее – дефицитом ее дискурсивного присутствия. Другими

словами, внимание исследователей сосредоточено на (1) наличии женских номинаций и (2) их эмотивной, стилистической и прочей маркированности (см.: Першай, 2013).

Концепция разницы гендерных культур стала приоритетной на рубеже 1980–1990-х годов после выхода исследования Д. Тэннен «Ты меня не понимаешь» (Tannen, 1990). Согласно данной концепции мужчины и женщины говорят на разных «языках» – *гендерлектах* – и принадлежат к разным языковым гендерным культурам в силу различий социализации и пр., пользуются различными гендерными кодами в языке. Поэтому имеет место различное толкование одних и тех же языковых фактов мужчинами и женщинами. Феномен «непонимания» не только констатирует отличия полов, но и раскрывает специфику «мужского» и «женского» миров (Tannen, 1986, 1990 и др.). Проблематичность данной концепции заключается в том, что она, кроме языкового противопоставления мужчин и женщин, констатировала *разницу* в качестве универсального критерия (Cameron, 1995, p. 35–36). Эта концепция подвергается критике за лингвистическую несостоятельность выводов. Исследования Д. Тэннен основываются на анализе речевого поведения белых американских женщин среднего класса, англосаксонского, протестантстского происхождения. Анализ речевого поведения представителей какой-то одной социальной группы не может служить основой для теоретической модели разницы гендерных культур мужчин и женщин в американском обществе в целом. Подход такого рода дискурсивно «замалчивает» речевые практики представителей других классов, рас и сексуальностей (Aries, 1996; Cameron, 2007; и др.). Концепция разницы гендерных культур декларирует отличия между мужчинами и женщинами в качестве «универсального» критерия, что спорно, поскольку языковые различия «внутри» пола по признаку социального происхождения, образования, профессиональной подготовки и т.д. не менее разительны, чем различия между полами (см. подробнее: Першай, 2003).

Можно также выделить направление, посвященное поискам «женского языка» – возможности для женщин найти способ адекватного социального, политического, языкового и творческого (само-)выражения. Это направление ближе к литературоведению и обращается к языку скорее в философских категориях, что сближает его с критической теорией и французскими постструктуралистами (см.: Kaplan, 1975; Mills, 1995; Moi,

1985; и др.). Среди русскоязычных авторов можно отметить работы И. Савкиной (например: Savkina, 2001). Возможно, в силу своей философской направленности это направление не слишком привлекательно для восточноевропейских языковедов.

На сегодняшний день западная гендерная лингвистика не имеет какой-то одной определенной платформы для изучения отношений пола и языка. С одной стороны, политика десексизации словаря, направленная на замену сексистских выражений на политкорректные и гендерно-нейтральные, стала лексикографической нормой (см., например: Martyna, 1983; Silverstein, 1985; Cameron, 1992, p. 158–227). Существует опыт составления и публикации специальных несексистских словарей, таких как «The A–Z of Non-Sexist Language» («Несексистский язык от А до Я») (Doyle, 1995). С другой стороны, многие лозунги гендерной и феминистской лингвистики, призывающие к гендерному равенству, устарели, перестали восприниматься как руководство к действию и переросли в способ «нейтральной» интерпретации материала в соответствии с одной из вышеперечисленных концепций. В то же время происходят «дробление и контекстуализация» изучаемых языковых и социальных групп, направленные на максимально непредвзятый анализ речевых практик и/или лексикона определенных социальных страт (см., например: Kulick, Cameron, 2003; Johnson, Meinhoff, 1997; Eckert, McConnel-Ginet, 1995). Тем не менее три перечисленные концепции и корпус работ, катализированный этими публикациями, продолжают оказывать влияние на развитие гендерной лингвистики в «локальных» языковедческих школах в разных странах.

Каким образом гендерная лингвистика вписана в постсоветскую гуманитаристику – тема отдельного исследования. Судя по работам, рассматривающим язык «через призму гендера», постсоветские лингвисты не слишком хорошо знакомы с вышеперечисленными концепциями и, тем более, с теоретическими и методологическими различиями между работами Р. Лакофф, Д. Спендер и Д. Тэннен, на которые они время от времени ссылаются. В оригинале эти три концепции спорят друг с другом, предполагая не одинаковое и уж тем более не однозначное видение гендерной проблематики в языке. В то же время наиболее часто встречаются исследования языкового сексизма, суть которых сформулирована в переводной работе М. Хеллингер «Контрастивная феминистская лингвистика» (Хеллингер, 1999). Постсоветская гендерная лингвистика представляет со-

бой своеобразный коллаж: лингвисты анализируют «мужские» и «женские» единицы, называют это исследованиями гендера в языке и время от времени упоминают феминистскую проблематику, когда речь идет о «производности» женских дефиниций от мужских или объективации женщины в паремиях. Однако суть этой феминистской проблематики, за редким исключением, остается нераскрытой, т.к. многие авторы сосредотачиваются непосредственно на описании языкового материала, упуская из вида социальные и культурные «знаки», которые этот языковой материал репрезентирует (Першай, 2002, 2013; Pershai, 2005). Проблемы постсоветской гендерной лингвистики подробнее рассматриваются в главе 1.

Можно выделить некоторые отличия западной от постсоветской гендерной лингвистики. Во-первых, западные исследователи ставят вопрос о том, что радикальные теории гендерной лингвистики, вскрывающие суть гендерного неравенства, на самом деле весьма традиционны и уводят от решения проблем языкового и социального угнетения (Cameron, 1995, p. 35–36, 40). В постсоветской гендерной лингвистике подобных дискуссий пока не происходит. Во-вторых, гендерная лингвистика на Западе является сильным двигателем активистской, общественной и научно-популярной мысли. Ее идеи не только берутся на вооружение академией, но и популяризируются изданиями типа «Cosmopolitain» (например: Tannen, 2001). Подобным образом гендерное академическое предложение удовлетворяет активистский и «популярный» спрос (Cameron, 1995, p. 36–37). На постсоветском пространстве гендерная лингвистика, как правило, носит академический характер[1].

Объяснить эту особенность частично можно тем, что формирование гендерного (феминистского) дискурса в западном языкознании происходило как конструирование альтернативы

[1] Отдельные аспекты феминистской лингвистики обсуждаются в социальных сетях, а также в рамках проектов по демократизации и развитию гражданского общества в постсоветских странах. Однако такие дискуссии редко обретают форму связного интеллектуального и/или активистского дискурса. Чаще они остаются локальными обсуждениями конкретного вопроса и не становятся «большой» общественной проблемой. Например, см.: Пользователь shagirt (сооб. feministki/Livejournal). Некоторые материалы занятия по феминитивам // Живой журнал. 26.01.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://feministki.livejournal.com/3270279.html?style=mine#comments (последнее посещение 29 января 2014 г.).

«традиционной» лингвистике. С одной стороны, классические методики отбора и анализа языкового материала не позволяли полноценно интерпретировать систему полового неравенства и угнетения, отраженную и поддерживаемую за счет языковых ресурсов. Равно как и большинство лингвистов XX века были «социально привилегированными» белыми мужчинами, которые не считали феминистскую проблематику чем-то важным или достойным внимания. Похожее отношение прослеживается к проблематизации политик идентичности (identity politics) и возможностей их адекватного языкового и политического выражения. Поэтому часто феминистским активистам и критикам социальной ангажированности языка было важно озвучить новое понимание роли языковой системы в формировании восприятия полового неравенства. С другой стороны, поскольку «устоявшейся» методологической и аналитической инфраструктуры еще не существовало, а необходимость изучения взаимосвязей и взаимовлияния гендера и языка присутствовала, то теоретизация этих противоречий происходила, скорее, на уровне интеллектуального письма, а не посредством анализа языковых единиц, соответствующего требованиям языкознания как академической дисциплины. До сих пор сопричастность к феминистской традиции в постсоветских гуманитарных науках может приводить к стигматизации результатов исследования и ученых, работающих в этой области (см.: Першай, 2002; Pershai, 2005).

В рамках данного исследования моя позиция созвучна с концепциями женской дефицитности и мужского превосходства. Для меня язык не является нейтральной структурой. Следуя французским теоретикам второй половины XX века, таким как М. Фуко, П. Бурдье, Р. Барт, М. де Серто и др., я рассматриваю язык не в качестве «хранилища» и пассивного ретранслятора культуры, а в качестве непосредственного и влиятельного участника социальных обменов, напрямую вовлеченного в формирование общественного и культурного дискурса (см., например: Фуко, 1996a; Bourdieu, 1990; Barthes, 1991; de Certeau, 1988; и др.). С этой точки зрения языковые единицы, фиксирующие социально значимые признаки пола, не просто передают «представления» о мужественности и женственности или о «женских» и «мужских» профессиях, а ограничивают возможности социального выбора мужчин и женщин и тем самым сохраняют существующую систему социальной стратификации (см. подробнее главу 2).

В этом контексте особое значение приобретает изучение гендерно-маркированной лексики и фразеологии. Фразеологический фонд языка представляет собой «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» (Телия, 1996, с. 9). Семантика фразеологизмов в имплицитном виде сохраняет этнокультурные стереотипы, которые непосредственно «вплетены» в то, каким образом носители языка понимают те или иные культурные практики или социальные институты.

Интересно, что исследование гендера во фразеологии и паремиологии достаточно популярно в наши дни, о чем говорит множество статей и растущее число кандидатских диссертаций практически во всех регионах бывшего СССР (ср.: Васькова, 2006; Волошина, 2010; Загороднева, 2013; Коноплева, 2009; Никольская, 2006; Рамазанова, 2011; Самарина, 2010; Соловьева, 2007; Турдиева, 2010; и др.). Однако многие исследователи проводят сопоставительный анализ фразеологизмов из разных языков, что часто ограничивается описанием языкового материала и не предлагает непосредственно гендерного анализа фразеологических оборотов, пословиц и поговорок. Усугубляет положение также большое количество курсовых и дипломных работ на эту тему, кочующих в сети Интернет. Реферативный стиль таких «студенческих» компиляций часто представляет собой набор цитат и выводов из других работ, причем часто без ссылок на первоисточник (поскольку им может быть и другой студенческий реферат, а то и несколько «поколений» работ такого типа). Проблему составляет то, что по причине популярности темы и из-за наличия большого количества текстов разного аналитического уровня теряется суть анализа гендерной проблематики в языке: исследования гендерной паремиологии и фразеологии часто лишены критического подхода к анализируемому материалу и сосредоточены на перечислении мужских и женских признаков, стереотипов и разного рода «гендерных асимметрий». В то время как гендерный анализ в первую очередь основывается на исследовании отношений власти, субординации и социальных структур, отраженных и ретранслируемых посредством языковой системы. Чтобы восполнить этот пробел, данная монография рассматривает, каким образом гендерная и социальная стратификации отражены и организованы во фразеологии, а также какие социальные институты значимы для фразеологической номинации женщин и мужчин.

Эта книга посвящена анализу гендерно-маркированных фразеологизмов. Под гендерно-маркированными единицами понимаются фраземы, дефиниции которых содержат прямое указание на пол носителя «гендерной» характеристики. К таким маркерам относятся лексемы *мужчина* и *женщина* в составе дефиниций фразеологизмов, а также их возрастные и социальные эквиваленты (см. подробнее главу 4). Материал исследования получен методом сплошной выборки фразеологизмов, соответствующих этим критериям, из фразеологических словарей беларусского[2], русского, польского и английского языков (см.: Список лексикографических источников и сокращений).

В настоящей работе рассматриваются беларусские, польские, русские и английские фразеологизмы. Выбор языков продиктован необходимостью проследить и проанализировать, с помощью каких признаков и социальных институтов гендерная динамика обозначается во фразеологии близкородственных языков – беларусском и русском; языков, входящих в одну группу, – восточно-славянских (беларусском, русском) и западно-славянских (польском), а также языков, относящихся к одной языковой семье, – английском и названных славянских языках. Другим основанием для выбора данных четырех языков послужили различия славянской и неславянской лексикографической традиции. В английском языке проявляется четкая тенденция к десексизации словарного состава как следствие феминистского движения и борьбы за политическую корректность, что не может не влиять на фиксацию «гендерного» сегмента во фразеологических словарях (см. главы 2 и 3).

Цель данного исследования – выявить социальные структуры, влияющие на закрепление тех или иных социально и культурно значимых признаков за носителями определенного пола. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: определить теоретические и методологические принципы отбора гендерно-маркированных фразеологизмов; проанализировать способ организации системы фразеологизмов,

2 Я использую современную орфографию: *Беларусь* и *беларусский*. Многие российские издания по-прежнему употребляют названия времен СССР *Белоруссия* и *белорусский*, что, на мой взгляд, является актом символического насилия над национально значимым выбором независимого государства и нации.

маркирующих гендерно-значимые признаки; выявить влияние социальных институтов на закрепление тех или иных гендерно-маркированных признаков. С этой точки зрения эта книга рассматривает репрезентацию гендерных отношений во фразеологии как регулирующий принцип социокультурной организации, то есть процессы, включающие в себя властные структуры, систему культурных символов и их нормативные аспекты.

Эта монография предназначена для широкого круга читателей, хотя в первую очередь на нее обратят внимание языковеды, слависты, антропологи, социологи, культурологи и специалисты по гендерным исследованиям. Книга может быть использована при разработке курсов и спецсеминаров для студентов филологических факультетов, а также входить в состав курсов по общему и славянскому языкознанию, лингвистической культурологии, гендерной лингвистики, социологии языка, антропологии семьи и др. Результаты исследования могут использоваться при создании учебников и учебных пособий по специальностям «Теория языка», «Славянские языки», «Гендерные исследования», «Культурология», «Социология» и пр.

Автор благодарен всем, кто участвовал в обсуждении материала при подготовке и защите кандидатской диссертации, которая легла в основу этой книги. Автор искренне признателен своим научным руководителям – Адаму Евгеньевичу Супруну, под руководством которого было начато это исследование, и Елене Николаевне Руденко, а также коллегам с кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета Беларусского государственного университета: Алле Андреевне и Инне Вячеславовне Кожиновым, Людмиле Аркадьевне Козловской, Андрею Витальевичу Зинкевичу, Елене Анатольевне Казанцевой, Ольге Игоревне Гущевой и Ольге Васильевне Потаповой. Автор признателен рецензентам и оппонентам по защите его кандидатской диссертации: Арнольду Ефимовичу Михневичу, Людмиле Викторовне Варпахович и Татьяне Викторовне Поплавской, а также Наталье Львовне Пушкаревой, Ольге Гапеевой и Наталии Хоменко, рецензировавшим рукопись этой книги, за ценные замечания и комментарии. Автор благодарен своим коллегам и студентам магистратуры Центра гендерных исследований Европейского гуманитарного университета в Минске и Вильнюсе, работа с которыми продол-

жает вдохновлять на новые исследования и публикации. Автор благодарен Анне Жинь за талант и любовь. Отдельное спасибо Елене Гаповой и Сергею Ушакину за поддержку и мудрый совет на протяжении многих лет.